

Пролог

Лондон, 11 июня 1833 года, раннее утро

Эшмонт был не очень хорошим герцогом — точнее, никаким, так что никто не удивился бы, увидев его пьяным, так сказать, «по-императорски», то есть раз в десять пьянее простого лорда, когда он брел на непослушных ногах вниз по ступенькам клуба «Крокфорд», повиснув на руке одного из своих закадычных приятелей.

На сей раз это был Хью Филемон Энкастер, седьмой герцог Рипли. И если светловолосый и голубоглазый Эшмонт казался с виду ангелом небесным, то Рипли был смугл и темноволос, то есть, в отличие от Эшмонта, отнюдь не соткан из мечты и тумана, и женщины не провожали его зачарованными взорами. То ли дело его ангелоликая светлость!

В иной день — как кто-то однажды выразился — лицо Рипли напоминало морду волка, основательно потрепанного в боях.

Кроме того, Рипли, хоть несколько и превосходил Эшмонта знатностью своего титула, был пьян только как простой лорд и посему не утратил способности различать, где верх, а где вниз. Поэтому, когда его светлость герцог Эшмонт сделал поползновение скатиться с лестницы в направлении Сент-Джеймского дворца, Рипли именно вниз его и потащил, чтобы добраться потом до стоянки экипажей.

— Сюда, приятель.

— И это правильно, — буркнул Эшмонт. — Не могу же я пропустить свадьбу. Только не эту! Это ведь я женюсь! На Олимпии. Так что должен присутствовать, обещал.

— Будешь, будешь, — успокоил его Рипли, увлекая за собой на другую сторону улицы.

Сообщение о свадьбе было для него новостью, а уж выбор невесты и вовсе сразил наповал: кто угодно, только не леди Олимпия Хайтауэр! По его представлениям, это последняя девушка на земле, которая пошла бы за Эшмонта — за любого из них, если на то пошло.

Не то чтобы Рипли ее хорошо знал — скорее даже совсем не знал. Да, они были представлены друг другу несколько лет назад, в те дни, когда уважаемые люди еще знакомили Рипли и двух его дружков с приличными девушками. Но как раз такие меньше всего интересовали троицу герцогов. Благовоспитанные девушки годились для женитьбы, а жениться предполагалось когда-нибудь потом, в смутном и едва обозримом будущем.

Очевидно, это будущее наступило, а Рипли его просто проглядел.

Сначала герцог Блэквуд, второй из его добрых приятелей, женился на сестре Рипли чуть больше года назад, за несколько дней до того, как сам он укатил в Европу. А теперь и Эшмонт, оказывается, надумал.

В Лондон он вернулся еще позавчера, но один день незаметно перетек в другой. Он отправился в «Крокфорд», потому что хотел получить приличный ужин: Удэ, повар, там был почти так же хорош, как Шардо, его собственный повар, но во время переправы через Ла-Манш его угораздило подцепить жесточайшую простуду.

Шардо сопровождал Рипли повсюду, потому что ему щедро платили — герцог ценил свои удобства. Вынужденный по дурацкой прихоти жить в юности как нищий, теперь он жил как король.

Рипли как раз затеял спор с самим собой — не лучше ли было остаться за границей? — когда из темного переулка выскочили четверо мужчин, и один из них налетел на Эшмонта с такой силой, что разлучил беднягу с ненадежными объятиями Рипли и толкнул прямо в витрину ближайшего магазина.

Эшмонт обрел равновесие с неожиданной энергией.

— Куда прешь, чертов придурок? Я иду жениться! Слышишь, козел? — И его кулак с силой впечатался в лицо незнакомца.

Попытался вмешаться второй тип из той же компании, но Рипли со вздохом сгреб его за шиворот. Тип извернулся, намереваясь поквитаться, и это вынудило Рипли одним ударом зашвырнуть его в сточную канаву.

Дальше было то, что часто случалось, если в деле участвовал Эшмонт: потоки грязной ругани и тупая драка. Из ближайших клубов высыпали мужчины и принялись делать ставки, издалека раздались женские вопли.

Когда все закончилось, противники лежали рядком на мостовой. Рипли не стал терять время, чтобы сосчитать их или хотя бы разглядеть, сгреб Эшмонта, который без сил висел на перилах, в охапку и повлек за угол к стоянке. Как только к ним подкатил первый из ожидавших в очереди наемных экипажей, Рипли затолкал Эшмонта внутрь, на продавленное сиденье, и дал указание кучеру отправляться.

Слуги не ложились и дожидались хозяина — дело-то привычное. Эшмонта оттащили наверх, в спальню, без лишней суеты раздели и отмыли. У них был богатый опыт по части маленьких слабостей хозяина.

Убедившись, что его светлость благополучно уложили и укрыли одеялом, Рипли отбыл восвояси.

Ему и самому требовалось помыться и поспать: ведь до свадьбы осталось всего несколько часов.

Глава 1

Ньюленд-хаус, Кенсингтон, 11 июня 1833 года, около полудня

Если бы невеста напилась допьяна — однако она же не пила! — то это из-за грядущего торжества.

Осталось совсем немного до того момента, когда леди Олимпия Хайтауэр воплотит в жизнь все заветные мечты своего семейства и свои собственные, по крайней мере, бóльшую их часть: сделается герцогиней Эшмонт.

Замерев на опасной черте двадцати шести лет, она должна была благодарить свою счастливую звезду, что сумела завоевать сердце, восхищение и еще что-то одного из трех самых знаменитых в Англии распутников герцогского звания, известных как «их бесчестья».

Олимпия внимательно оглядела собственное отражение в зеркале. За стеклами очков в золотой оправе ее глаза — когда серые, когда голубые, а иной раз и зеленые, потому что никак не могли определиться с цветом, — одним взглядом вобрали в себя ее великолепие. Вот она. Ну и что? Тщательно завитые локоны банального русого оттенка на висках, обрамляющие лицо в форме сердечка, прихотливое сплетение кос и лепестки гофрированного кружева, украшенные флердоранжем, венчающие макушку, водопад бело-снежной кружевной вуали, ниспадающий ниже талии, закрывающий обнаженные плечи, поверх широких, отделанных кружевом рукавов.

Она опустила взгляд, рассматривая себя: четыре тугих банта на корсаже, пышные юбки из шелковой парчи.

Пустая трата денег, которыми можно было бы оплатить учебу в Итоне для Кларенса, или чин корнета для Эндрю, или что-нибудь еще — для мальчиков. У лорда Ладфорда, графа Гонерби, помимо наследника, Стивена имелось еще пятеро сыновей, которых нужно было содержать, хотя на эту тему граф предпочитал не думать вовсе. В отличие от дочери граф не умел мыслить практично — вот в чем корень ее нынешнего затруднительного положения, которое, как все говорили, вовсе не было затруднительным. Разве статус герцогини — это не шаг вверх по социальной лестнице?

В любом случае свадебное расточительство было продиктовано отнюдь не соображениями практичности. Деньги непременно следовало выбросить на ветер, на одно-единственное платье для Олимпии, поскольку, по словам тети Лавинии, это был вклад в будущее.

Будущей герцогине не пристало надевать на свадьбу вещи, которые уже кто-то надевал. Свадебному наряду полагалось быть модным и дорогим, однако без показной роскоши, потому что будущая герцогиня не должна выглядеть транжиркой и кокеткой.

Потом, после свадьбы, герцогине позволено хоть разом нацепить все содержимое шкатулки с драгоценностями, и это не считалось бы чрезмерным.

В модном наряде, с новой прической, в бриллиантах или жемчугах — а лучше и в том, и другом — Олимпия наденет это платье на официальный прием, где мама или скорее тетя Лавиния, она же маркиза Ньюленд, представит новоиспеченную герцогиню Эшмонт самой королеве.

И это не все, чему положено случиться после свадьбы.

Оставалась еще брачная ночь — событие, по словам мамы, не лишенное приятности, — хотя в подробности она не вдавалась. Однако за брачной

ночью последует собственно брак — долгие годы замужества за Эшмонтом.

Будущая герцогиня Эшмонт схватила чашку с приправленным бренди чаем, который леди Ньюленд принесла, дабы успокоить нервы новобрачной, чашка оказалась пуста.

— Даже не думай сбежать, — предупредила тетя, когда принесла ей это укрепляющее дух средство.

Разумеется, нет: куда уж теперь — слишком поздно. Да и Олимпия была не из тех девушек, что пасуют или спасаются бегством от чего бы то ни было, а тут шанс, который выпадает раз в жизни. У нее шестеро братьев, так что рассчитывать ей в окружении было особенно не на что: командуй или подчиняйся.

Злые языки поговаривали, что для девушки у нее слишком жесткий характер и склонность к лидерству. Но кому какое дело, коль скоро Олимпия сделается герцогиней...

Нагнувшись, она извлекла из-под туалетного столика фляжку с бренди, которую заблаговременно утащила у Стивена, отвинтила крышку и сделала глоток — по ее представлениям, никак не больше наперстка, — и, сказав себе, что поступает совершенно правильно, поставила на место.

Есть ли у нее выбор? Унизить жениха, который не сделал ничего плохого — Олимпии, во всяком случае, — чтобы заслужить подобное? Навлечь позор на собственную семью? Навеки погубить репутацию в глазах общества? И все из-за чего? Из-за того, что сосет под ложечкой? Разумеется, все это лишь следствие обычного волнения перед свадьбой.

Только умалишенная бежала бы от перспективы стать невестой одного из самых красивых, богатых и влиятельных мужчин в королевстве, сказала себе

Олимпия. То есть Эшмонт мог бы стать весьма влиятельной фигурой, если бы захотел, но увы...

Нить размышлений прервал стук в дверь, и она попросила:

— Дайте мне еще несколько минут помолиться.

Ей нужно было время, чтобы посидеть в одиночестве, собраться с мыслями и подготовиться к столь разительной перемене в жизни — так Олимпия сказала матери и тетке. Те переглянулись, а потом вышли, но вскоре тетя Лавиния вернулась и принесла живительный чай.

— Десять минут, дорогая, — послышался из коридора голос матери.

Всего десять минут? Ладно, можно сделать еще глобочек.

Почти двадцать шесть, вернулась она к размышлениям. Никогда больше ей не получить столь выгодного предложения. Чудо, что она вообще кому-то оказалась интересна! И она знала, что делает, когда говорила «да».

Правда, Люциус Уилмот Бекингом, шестой герцог Эшмонт, был порядочной свиньей и личностью столь незрелой, что по сравнению с ним девятилетний Кларенс казался царем Соломоном. И да, само собой разумеется, что от его светлости ей не следует ждать верности.

Однако Эшмонт был так красив, что мог вскружить голову любой девице, стоило ему лишь захотеть. А еето он действительно хотел очаровать: она ему вроде бы нравилась. И вряд ли Олимпии следовало от него ожидать особенно неприятных сюрпризов. Характер герцога был отлично известен каждому, кто читал колонку светских новостей в модных изданиях.

Важно, что герцог сделал-таки предложение, хотя Олимпия была в безнадежном положении.

— Герцогиня, — сказала она собственному отражению в зеркале, — ты сможешь даже изменить мир, если захочешь, ну или хотя бы какую-то его часть.

Это самое большее, на что может рассчитывать женщина там, где правят мужчины. Разве что она станет королевой — и не просто супругой коро-

ля, а полноправной властительницей, — но даже тогда... О господи, куда это ее занесло? Даст Бог, с ней ничего такого не случится.

Где-то в голове — или, может, в сердце или в животе — пропищал ехидный, в точности как у кузины Эдвины, голосок: «Любовь всей жизни? И этого тебе тоже никогда не узнать. Не видать тебе прекрасного принца на белом коне! Даже влюбленного лорда не видать, как и, если хочешь знать, приказчика из магазина».

Олимпия мысленно придушила этот голосок: именно так, случилось, ей хотелось придушить и саму кузину Эдвины.

Та Олимпия, что тешила себя фантазиями о принцах и влюбленных джентльменах, была наивной дурочкой, когда вступила в свой первый лондонский сезон с головой, набитой любовной чепухой, которую почерпнула в романах. И каждый год из последующих семи лет ее признавали самой занудной девицей сезона. За семь лет она не получила ни единого предложения, то есть ни одного из тех, что молодая леди в здравом уме могла бы принять даже в самом отчаянном положении, или ей позволили бы принять, заведись у нее поклонник преклонных годов. А потому что она могла ответить, когда ей сделал предложение сам герцог Эшмонт?

Сказать «нет», обеспечив тем самым себе будущее старой девы, приживалки у братьев, которые едва могут содержать себя и собственные семьи? Вот она и сказала «да», разом решив кучу задач. Все так просто. Нет смысла усложнять.

Она жадно отхлебнула бренди, потом еще.

В дверь снова постучали, на сей раз громче и настойчивее.

— Я поступаю правильно и доведу дело до конца, — шепнула Олимпия своему отражению. — Должен же кто-то это сделать.

10 А пока еще глоточек...

— Какого черта она там копается? — буркнул возмущенно Эшмонт.

Гости оживленно перешептывались, а при малейшем звуке за дверями гостиной головы дружно поворачивались туда, откуда должна была появиться невеста.

Прошло, должно быть, полчаса после назначенного времени, но никакой невесты в дверях не было.

Рипли вышел, чтобы справиться у матери леди Олимпии, уж не заболела ли невеста, но леди Гонерби с обескураженным видом лишь покачала головой. Пришлось объясняться с ее сестрой, леди Ньюленд.

— Что-то там с платьем, — сказал Рипли Эшмонту. — Ее тетка пошла наверх, прихватив с собой горничную и шкатулку для рукоделия.

— Да мне нет дела до ее платья! — заявил Эшмонт. — В любом случае я его очень скоро с нее сорву.

— Ты же знаешь, каковы женщины, — возразил Рипли.

— Не похоже, чтобы Олимпия волновалась из-за таких пустяков.

— Подвенечное платье вовсе не пустяк, — заметил Рипли. — Мне ли не знать. Наряд моей сестры стоил больше, чем та кобылка, что я купил у Першора.

Сестры Рипли здесь не было: по словам Блэквуда, Алиса отбыла в Кемберли-плейс, одно из имений Рипли, чтобы ухаживать за приболевшей тетушкой.

— Вот занудство, — буркнул Эшмонт. — Терпеть не могу эти дурацкие церемонии.

Лорд Гонерби вышел из гостиной, спустя минуту вернулся и весело объявил:

— Прошу прощения за задержку! Какая-то неприятность то ли с подолом, то ли с оборкой. Я послал за шампанским. Почему бы нам не промочить горло, пока они там орудуют швейными иглами?

Через минуту в гостиной появился дворецкий в сопровождении лакеев, нагруженных подносами с бокалами шампанского.

Эшмонт осушил один за другим, не делая перерывов, три бокала.

Выпил и Рипли, но всего пару глотков, поскольку не до конца отошел от бурных событий прошлой ночи. Старееет, должно быть, если чувствует себя не в своей тарелке, оттого что не поспал лишний час-другой после карт и возлияний, за которыми последовала еще и ночная драка, а потом пришлось вызволять Эшмонта из передраги и доставлять домой.

Была и другая причина для воздержания: обязанности шафера, которые он на себя взвалил. Прошлой ночью в «Крокфорде» Эшмонт попросил — скорее настоял, — чтобы один из двоих опекал его на сегодняшней церемонии. Мало ли что: вдруг кольцо забудет, или разрешение на брак, или еще что-нибудь произойдет.

Блэквуд сразу отказался:

— Хватит с меня и одной свадьбы, своей собственной. На сей раз мне хочется просто веселиться и ни за что не отвечать.

Свалив ответственность на Рипли, «их бесчестие» ухмыльнулся и сделал ручкой, предложив приятелям отправиться по домам и хоть немного поспать.

Если Блэквуд и знал больше о страстном желании Эшмонта надеть кандалы, то виду не подал. Впрочем, у него и времени-то на разговоры не было: прошлой ночью Эшмонт болтал не переставая, и новости были для Рипли как гром среди ясного неба.

Прежде всего Эшмонт заполучил нареченную честным и благородным путем, то есть ухаживал, а потом сделал предложение. Другими словами, невеста не была беременна. Во-вторых, каким-то удивительным образом Эшмонт сумел убедить привлекательную, достойную и благоразумную девушку его

ухаживания принять. Рипли мог бы поспорить на целое состояние, что во всей Англии не найдется ни одной благовоспитанной девушки в положении столь безнадежном, что согласилась бы на ухаживания Эшмонта — или чтобы ей позволила семья в том случае, если бы девица лишилась разума под действием наружности и обаяния его светлости.

Как упоминал сам Эшмонт в нечастых записках друзьям, хозяйки великосветских салонов запретили ему посещать их приемы. Дал знать его светлости, что его присутствие при дворе нежелательно, и король. Исключили его также из списков гостей большинство благородных семейств Лондона. Чтобы подобные меры применялись к герцогу, причем далеко не бедному, прекрасно образованному и весьма привлекательному, нужно было очень постараться.

Похоже, однако, что дорожки Эшмонта и леди Олимпии пересеклись несколько недель назад где-то в окрестностях отеля «Кларендон». Чья-то зловредная собака, невзлюбившая его светлость с первого взгляда, попыталась стащить с него сапог. Эшмонт, как обычно нетвердо державшийся на ногах, потерял равновесие, когда пытался стряхнуть с себя псину, и чуть не полетел кувырком на мостовую, прямо под колеса кеба, который мчался на бешеной скорости, как и все наемные экипажи.

«Но тут кто-то ручкой зонтика подцепил мою руку и дернул меня назад, — рассказывал он Рипли. — Как раз вовремя, потому что меня занесло и я не удержался бы на ногах. Собака тем временем лаяла как в истерике. Женский голос сказал «цыц» или что-то в этом роде, и она ткнула зонтиком в тротуар, на сей раз острым концом. И знаешь, псина заткнулась и убралась, поджав хвост! А потом хозяйка собаки спрашивает: «Вы в порядке, сэр?» Ее горничная что-то там бормотала — несомненно, хотела увести госпожу от

меня подальше. Мне казалось, что я в полном порядке, но Олимпия оглядела на мою ногу, заметила, что сапог изрядно порван, сказала, мол, не ровен час, заползет какая-нибудь гадость, — а потом ошарашила: «Через минуту здесь будет моя карета, и мы отвезем вас домой». Так она и поступила, несмотря на ворчание горничной, кучера и лакея. Леди Олимпия Хайтауэр! Можно в такое поверить? Я бы не поверил. Часто ли мы ее видели — здесь ли, там ли?»

Да сколько угодно, подумал Рипли, вспомнив очень высокую девушку в очках, но отнюдь не уродину, с хорошей фигурой... нет, скорее — с очень хорошей фигурой. С другой стороны, девица эта из весьма уважаемой семьи, но, по слухам, книжный червь. С тем же успехом она могла бы нацепить на свою прекрасную грудь ярлык с надписью «яд», с черепом и скрещенными костями.

«Она была очень добра, — продолжал Эшмонт. — Не жеманничала, не пускала слезу — вела себя как ты или я. И должен признаться, это меня покорило. И мне было плевать на то, что заявил потом дядя Фред, когда я сказал ему о ней: что я ее недостоин, что она слишком умна для меня и прочее, что говорят, когда хотят послать подальше. «Так это ей решать, не правда ли?» — заявил я и принялся ее обхаживать. Титаническая работа, доложу я тебе, но в конце концов она ведь сказала «да», не так ли? А уж как вытаращил глаза дядюшка Фред, когда я ему рассказал! Даже хлопнул меня по плечу и воскликнул: «Ну, хоть какой-то из тебя толк в конце концов!»

Эшмонт ликовал, что хоть раз взял верх над своим интриганом дядюшкой, однако Рипли-то понимал, что лорд Фредерик Бекингом просто увидел некую возможность и выжал из нее все, что было в его силах. Сказать Эшмонту, будто он что-то не сумел или не сумеет, — верный путь заставить его сделать именно это.

Но, в конце концов, это не важно, коль скоро Эшмонт доволен, а девушка знает, на что идет, то есть должна знать, если так умна, как о ней говорят.

Беда заключалась в том, что свадебная церемония протекала не так гладко, как следовало: Эшмонту наскучило ждать, а заскучавший Эшмонт — это уже опасно.

Рипли бросил взгляд на Блэквуда, своего зятя: такого же смуглого и темноволосого, как он сам, но гораздо стройнее и привлекательнее, и Блэквуд направился в их сторону неспешным шагом.

— Не понимаю, что за проблема — платье, — кипятился Эшмонт. — Это же внизу, правда? Ну и пусть.

— А что, если она на него наступит и упадет лицом вперед? — заметил Блэквуд.

— Тогда я ее подхвачу! — сказал Эшмонт.

Рипли взглянул на Блэквуда, и оба воззрились на Эшмонта. Никаких сомнений: тот уже был изрядно навеселе, — но изо всех сил старался стоять прямо.

Если невеста не появится в самое ближайшее время, то в лучшем случае жених просто рухнет в пьяном беспмятстве на пол, а в худшем — затеет драку с кем-нибудь из гостей.

— К черту! — заявил Эшмонт. — Пойду ее разыщу.

Он направился к дверям гостиной, но споткнулся, и Блэквуд, ухватив друга за руку, воскликнул:

— Отличная мысль! К чему терять тут время?

Он подозвал взглядом с Рипли, тот взял Эшмонта под другую руку, и оба повлекли друга вон из гостиной. Поскольку гости толпились вокруг лакеев с шампанским, в коридоре им встречались только слуги.

— Куда? — спросил Блэквуд.

— Вниз, — ответил Рипли.

— Зачем вниз? Она же наверху, там, — пьяно возразил Эшмонт, указательным пальцем описывая круги в воздухе.